
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

THEORY AND PRACTICE OF FOREIGN MASS MEDIA

УДК 811'А

КОНЦЕПТЫ «ПОЛИТИКА», «ПОЛИТИК» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНДИЙСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

А. Б. АЛЕКСЕЕВ¹⁾

¹⁾Московский областной государственный университет, ул. Радио, 10А, 105005, г. Москва, Россия

Статья посвящена изучению концептов «политика», «политик» в англоязычном индийском массмедийном дискурсе. Проанализированы 10 выпусков новостной программы. Выявлено, что базовые значения этих понятий сохраняются, но меняются коннотативные и аксиологические оттенки их смысла. Так, концепты «политика», «политик» наделяются отрицательными характеристиками, которые изначально не были им свойственны. В индийском массмедийном дискурсе дискредитация всего, что связано с политикой, обусловлена актуальными политическими событиями и служит лингвопрагматической цели – осуждению тех стран, которые, по мнению журналистов, не имеют дружественных отношений с Индией. В то же время стереотипное, шаблонное восприятие данных концептов позволяет преподносить сложные политические процессы в упрощенной, но понятной для адресата форме.

Ключевые слова: политика; политик; концепт; СМИ; массмедийный дискурс; Индия.

Образец цитирования:

Алексеев АБ. Концепты «политика», «политик» в англоязычном индийском массмедийном дискурсе. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика*. 2022;1:71–81.

For citation:

Alexeyev AB. The concepts «politics», «politician» in the Anglo-Indian mass media discourse. *Journal of the Belarusian State University. Journalism*. 2022;1:71–81. Russian.

Автор:

Александр Борисович Алексеев – аспирант кафедры английской филологии факультета романо-германских языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Э. А. Сорокина.

Author:

Alexander B. Alexeyev, postgraduate student at the department of English philology, faculty of Romano-Germanic languages, Institute of Linguistics and International Communication.
neuausstatten@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

THE CONCEPTS «POLITICS», «POLITICIAN» IN THE ANGLO-INDIAN MASS MEDIA DISCOURSE

A. B. ALEXEYEV^a

^aMoscow Region State University, 10A Radio Street, Moscow 105005, Russia

The article is dedicated to the study of concepts «politics», «politician» based on the material of the Anglo-Indian mass media discourse. All in all, 10 news texts have been analysed. It has been found out that the basic meanings of the concepts remain unchanged but the connotative and evaluative aspects of the meaning are transformed. Thus, concepts «politics», «politician» are often imbued with negative characteristics that are not traditionally inherent to them. The discreditation and critics of everything linked to politics is connected with the actual political events and serve the lingvopragmatic purpose of the accusation of those countries that, in the opinion of the journalists, are not friendly to India. Simultaneously, the stereotypic attitude to the analysed concepts helps the mass media to explain difficult political processes. Even if this explanation is simplified, it is understandable for the addressee.

Keywords: politics; politician; concept; mass media; mass media discourse; India.

Введение

Средства массовой информации иногда называют четвертой властью (англ. *the fourth estate*; нем. *die vierte Gewalt*), поскольку медиа не только влияют на общественное мнение, но и нередко определяют актуальную политическую ситуацию. Действительно, решение о том, освещать или не освещать политическое событие и как это делать, отнюдь не тривиально. Живя в информационной высокотехнологизированной среде, человек получает подавляющее большинство информации посредством радио, телевизора и все чаще посредством интернета. Знания же, согласно влиятельной концепции М. Фуко, являются ресурсом власти, а дискурс – ее инструментом, проводником. Французский ученый писал, что «дискурсы – это... практики, систематически формирующие объекты, о которых они ведут речь»¹ [1, p. 49].

Массмедийный дискурс относится к дискурсам власти, поскольку СМИ не только объективно отражают политическую реальность, но и конструируют ее. Более того, самым сложным в работе журналиста является стремление к объективности. В этом контексте необходимо учитывать неоднозначное отношение постмодернистской философии к таким важнейшим категориям, как правда и ложь: «Только лишь “объективная” истина – и не истина вовсе, ибо она не учитывает “субъективное”» [2, с. 51].

СМИ определяют паттерны мышления, концепты, устанавливая, по меткому выражению Х. Схруфа, государственный порядок отдельных стран [3, S. 26] и намечают перспективы социокультурного развития мира, который сегодня, вопреки глобализационным тенденциям, остае-

ся разьединенным (в первую очередь из-за различия культур).

Политикам выгодно контролировать местные, локальные СМИ. Но в эпоху непрекращающихся информационных войн, когда возрастает значимость мягкой силы (англ. *soft power*) [4], а граждане любого более или менее демократического государства не отрезаны от альтернативных источников информации, необходимы крупные международные массмедийные компании, транслирующие новостные, спортивные, развлекательные и другие программы. Данное явление может рассматриваться как негативное (проецирование власти, навязывание страной-гегемоном своей политической воли остальным государствам), но оно вполне закономерно для XXI в.

Если говорить о мягкой силе, то хорошо известно, что США, обладающие развитой сетью массмедийных каналов, имеют значительное преимущество над своими геополитическими противниками. Это преимущество обеспечивается популярностью английского языка, его мировым статусом, а также привлекательностью американской культуры. Однако США давно не принадлежит монополия в массмедийной сфере. В то время как основная конкуренция разворачивается между США и Китаем, одной из стран, стремящихся к активному продвижению на глобальном рынке массмедиа, является Индия, которую по количеству населения, потенциалу экономического роста, темпам научно-технического прогресса можно сравнить с ведущими мировыми державами. В настоящей статье речь идет об особенностях репрезентации концептов «политика», «политик» в англоязычном индийском массмедийном дискурсе.

¹Здесь и далее перевод наш. – А. А.

Концепты «политика», «политик»

Термин «концепт» используется в рамках нескольких наук (лингвистики, философии, культурологии и т. д.) и не имеет однозначной трактовки. И. С. Шулятиков определяет данное понятие как «единицу коллективного сознания, отправляющую к высшим духовным ценностям, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [5, с. 102].

Концепты «политика», «политик» являются общественно значимыми. Они регулярно применяются в политическом, массмедийном, научном, бытовом и других дискурсах и включают как научное осмысление действительности, так и обыденное, достаточно поверхностное восприятие ее. Следует отметить, что в индивидуальном когнитивном пространстве носителя языка научная и обыденная языковые картины мира нередко накладываются друг на друга.

По мнению А. А. Яковлева, каждая языковая личность независимо от ее социальных характеристик (уровня образованности, социального статуса и т. п.) «является “пользователем” науки, потребителем ее продукта и результатов» [6, с. 30]. С другой стороны, даже ученые не могут оставаться в пределах только научной картины мира. Они вынуждены учитывать ненаучные компоненты значений (особенно те, которые употребляются вне научной среды). Возможно, в связи с этим К. Хадсон отмечал, что использовать слово «политика» в научных дискуссиях непросто «главным образом из-за того, что оно означает настолько разные вещи для разных людей» [7, р. 1].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова лексема «политика», заимствованная из древнегреческого языка, трактуется как «деятельность государственной власти в области управления и международных отношений; деятельность той или иной общественной группировки, партии, класса, определяемая их целями и интересами»; «хитрость и уловки в отношениях с людьми, хитрый, уклончивый образ действий»; «события и вопросы внутренней и международной общественной жизни»; «политические знания, политические предметы»; «вежливое, обходительное обращение»².

Слово «политик» может обозначать «политического деятеля», «человека, интересующегося вопросами политики», «человека, обладающего тактом, сообразительностью и искусством в обращении с людьми», «политичного, вежливого, весьма обходительного человека»³. Первое и второе значе-

ния этого слова разделяются некоторыми учеными (см. [8]) и в рамках политической лингвистики соответствуют широкому пониманию термина «политический дискурс» – совокупности речевых актов, относящихся к сфере политики. Другими словами, политическая коммуникация, по мнению ряда исследователей, не сводится к публичной политике, она разворачивается в любых политических дискуссиях вне зависимости от их локализации (бытовой спор о политике тоже разновидность политического дискурса).

Третье значение слова «политика» связано с тем, что в обыденном языковом сознании политические деятели наделяются положительными качествами: сообразительностью, дипломатичностью, толерантностью. Наконец, четвертое значение данной лексемы свидетельствует о том, что концепт «политик» содержит указание на вежливого, эталонного представителя общества (хотя данная дефиниция помещается в словаре как устаревшая).

Концепты, как правило, представляют собой устойчивые ментальные образования, которые меняются лишь по прошествии продолжительного времени при содействии всего или большей части языкового коллектива. Любое неправильное оперирование концептами, идущее вразрез с культурной традицией, отвергается. Этот взгляд на языковой знак (а концепты, будучи предельно абстрактной когнитивной категорией, неразрывно связаны с их языковым воплощением) принадлежит отцу структурной лингвистики Ф. де Соссюру. Однако очевидно, что, несмотря на огромный вклад швейцарского ученого в развитие языкознания, Ф. де Соссюр был прав лишь отчасти: концепты подвержены большому или меньшему трансформациям, причем порой достаточно стремительным [9, S. 16]. Особенно это заметно в революционные эпохи.

По свидетельству Р. Ратмайр, в СССР во время перестройки (1985–1991) были коренным образом переосмыслены такие концепты, как «Запад», «рынок», «конкуренция», «концерн», «акция» [10, с. 61]. В пространство публичного дискурса были возвращены религиозные термины и обозначения. Австрийский ученый также подчеркивает, что изменение концептуального поля слов наблюдается и в неревolutionные эпохи, когда политическая власть остается стабильной [10, с. 67].

Теоретические положения, излагаемые Р. Ратмайр, подтверждаются данными Д. Ли, занимающегося изучением австралийского политического дискурса. Ученый отмечает, что в современной Австралии концепт *invasion* ‘вторжение’ расширяет

²Ушаков Н. Д. Толковый словарь // Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 21.03.2021).

³Там же.

свое значение и употребляется не только по отношению к белым колонизаторам, как было раньше. Общественные деятели, руководствуясь политическими амбициями и прагматическим расчетом, доказывают, что Австралия не раз переживала опустошительные вторжения, в том числе со стороны неевропейского населения [11, р. 16].

Концепт «политика» в силу его общественной значимости неоднократно привлекал внимание исследователей (см., например, [12–14]). Анализ научной литературы показывает, что ядро данного понятия остается неизменным. Так, М. В. Пименова, исследуя историю происхождения и значения слова «политика», приходит к выводу о том, что «в современном русском языке мотивирующий признак исследуемого концепта прослеживается в первичном значении слова, его вербализующем» [14, с. 51]. Иначе говоря, политика – это деятельность государственной власти, партии или общественной группы в области внутригосударственного управления и международных отношений, а также система государственных меро-

ятий, направляющая деятельность в какой-либо области.

Однако аксиологический подход к анализируемому концепту позволяет диагностировать, что отношение людей к политике ухудшается, причем эта тенденция наблюдается в разных языковых коллективах. В русском сознании уже давно укоренился стереотип о том, что политика – это грязное дело [14, с. 51]. Так, например, В. Зеленский, рассуждая о политиках, обращается к стереотипу о том, что они воруют: «Можно ли стать президентом и не воровать? Вопрос риторический. Пока никто не пробовал. Есть другой вопрос: можно ли воровать, но так, чтобы никто не заметил? Все пробовали – ни у кого не получилось»⁴.

По мнению Е. В. Тереховой, в англосаксонском языковом сознании концепт «политика» наделен резко отрицательными коннотациями. Вместе с тем ученый указывает на положительные аспекты значения этого слова, выраженные, в частности, через метафорическую модель «политика – это искусство» [12, с. 135].

Материалы и методы исследования

Насколько известно, анализ концептов «политика», «политик» в индийском (даже в англоязычном) массмедийном дискурсе не проводился. Это обуславливает новизну настоящей статьи.

Материалом исследования послужили 10 выпусков новостной англоязычной программы *Gravitas*, транслируемой по индийскому телевизионному каналу *World is One News (WION)*.

Очевидно, что предпринимаемое исследование имеет ряд ограничений, поскольку для более или менее целостной репрезентации концептов «политика» и «политик» требуется работа с большим количеством текстов, причем не только новостной тематики. Актуально проследить, как сами политические деятели воспроизводят, конструируют образ политика в рамках политической коммуникации, прочих институциональных дискурсов (научного, педагогического и т. д.), а также в рамках развлекательных передач. Современная политика в значительной степени представляет собой политеймент (от англ. *politics* ‘политика’ и *entertainment* ‘развлечение’)⁵.

Вместе с тем автор настоящей статьи полагает, что результаты исследования хотя и не претендуют на универсальность, но представляют определенный интерес для лингвистов, терминоведов, журналистов, культурологов и политологов.

В качестве основного метода исследования применяется критический дискурс-анализ, предполагающий изучение языковых явлений с учетом соци-

альных процессов, а также признание ведущей роли языка в трансформации общества. То, как человек называет объекты, явления, процессы действительности, конструирует реальность. Данное утверждение соотносится с креативной функцией языка, описанной в работах как отечественных [17; 18], так и зарубежных [19] ученых.

Более того, язык представляет собой проводник для трансляции власти, которая, вопреки традиционному пониманию, не принадлежит только политическим институтам, а пронизывает все уровни функционирования общества, образует почти в каждом его сегменте своеобразные пучки, охватывает все социальные практики. Основной является дискурсивная практика (в широком смысле). Через говорение властные коммуниканты (представители публичного дискурса (политики, журналисты, деятели культуры), агенты институционального дискурса (ученые, врачи, учителя)) не только обмениваются необходимой информацией, формируют общественное мнение, но и конструируют отношения в обществе, нередко демонстрируя свое социальное и моральное превосходство над людьми, лишёнными права голоса, включёнными в аут-группы.

Нельзя не согласиться с Н. Фэрклоу, утверждающим, что декларируемая свобода слова – миф [20, р. 63], поскольку доступ к институциональному дискурсу открыт не для каждого. Клиенты институционального дискурса (потребители массмедийной

⁴Стать президентом и не воровать // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RD2Wf9itjIw> (дата обращения: 21.03.2021).

⁵Более подробно о политейменте см. [15; 16].

информации, пациенты на приеме у врача, студенты учреждений высшего образования, ответчики в суде) из-за отсутствия соответствующих знаний вынуждены отдавать инициативу агентам, строго следовать заведенным институциональным процедурам, смысл которых они не всегда понимают, и даже молчать.

Критическая лингвистика занимается изучением того, как язык способствует трансляции и тщательной маскировке власти в разных типах институционального дискурса, регулярно применяется для злоупотребления властью (например, с помощью манипуляции, неоправданной дискредитации или даже дискриминации и маргинализации целых групп населения: национальных и сексуальных меньшинств, женщин [21, с. 15]). Критическая парадигма исследования призывает ученых выбирать для рассмотрения общественно значимые темы, не

оставаться в рамках одного узкого направления, выходить на междисциплинарный уровень анализа, открыто высказывать свое субъективное, возможно, не всегда верное или научное мнение о рассматриваемой социальной проблеме, не бояться политической ангажированности и не стремиться к искусственной объективности [22].

Критический подход к языку и дискурсу сыграл важную роль в становлении новых областей современной гуманитарной науки, в частности политической лингвистики. Критический взгляд на массмедийный дискурс может быть востребован в рамках журналистики, призванной оптимизировать работу СМИ, осмыслить новые стремительно развивающиеся технологии формирования общественного мнения и воздействия на него через институт четвертой власти.

Результаты и их обсуждение

В индийском массмедийном дискурсе концептуальные образы «политика», «политик» негативно окрашены. Проводится оппозиция между простыми людьми (англ. *common folks*) и политиками, точнее людьми, наделенными властью (англ. *power brokers*).

(1) *They say the post-pandemic world is going to be different. For us, yes: a lot of things are going to be different. But what about the power brokers of our world: the politicians, the spiritual gurus, the athletes? Will things truly change for them?*⁶ Говорят, что мир после пандемии будет другим. Для нас да: многие вещи, скорее всего, изменятся. **А что изменится в жизни сильных мира сего: политиков, духовных наставников, профессиональных спортсменов? Изменится ли мир для них?**

С помощью риторических вопросов в примере (1) корреспондент П. Шарма Уладхьяй утверждает, что во время пандемии политики, религиозные гуру, спортсмены, в отличие от подавляющего большинства людей, продолжают жить так же, как прежде.

В примере (2) журналистка высказывается против того, чтобы в условиях пандемии разрешалось проводить политические митинги.

(2) *Massive crowds turned up because voting is mandatory here. Every citizen must vote. Comorbidities and life-threatening conditions are not entertained as excuses. What a great sense of civic duty! Contrast that with Peru's pandemic response: 55 000 reported deaths and the health system in complete collapse, they are lining up for oxygen. 18 presidential hopefuls were in the fray, 6 of them ended up getting the virus. Maybe, these public rallies had something to do with that. Lockdowns for people but rallies for politicians*⁷ Огромные толпы

людей пришли проголосовать, потому что голосование здесь носит обязательный характер. Каждый гражданин должен отдать свой голос. Болезни, в том числе представляющие угрозу для жизни, не рассматриваются в качестве уважительных причин неявки на избирательный участок. **Какое чувство гражданского долга!** Сравните это с ответом властей Перу на вызовы пандемии: 55 000 зафиксированных смертей и полностью разрушенная система здравоохранения, чтобы получить кислородную маску, необходимо встать в очередь. На пост президента баллотировались 18 человек, 6 из них заболели. Возможно, митинги и привели к таким последствиям. **Для простых людей вводят локдауны, но политики инициируют митинги?**

Выделенные фразы содержат иронию, указывающую на всю нелепость массовых электоральных кампаний, которые проводятся в то время, когда люди умирают от вируса и вынуждены не выходить из дома. Политики, в свою очередь, игнорируют все правила, активно борются за власть, ставя под угрозу не только собственное здоровье, но и здоровье сограждан. На примере Перу корреспондент показывает, что активная политическая жизнь во время пандемии на самом деле вредит стране, ведет к коллапсу системы здравоохранения.

Бинарная, дихотомическая оппозиция «простые люди – люди, наделенные властью» соотносится с известными антиномиями «мы – они», «свои – чужие», которые активно используются в разных типах дискурса (в первую очередь в политическом), обладают особой семантической простотой, редуцируют возможность выбора по принципу «ты за нас или против нас – третьего не дано». В связи с этим

⁶Gravitas Live with Palki Sharma Upadhyay. The global threat of conflict // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=01d-L5PBcSk&ab_channel=WION (date of access: 21.03.2021). (Здесь и далее выделение в цитатах наше. – А. А.)

⁷Ibid.

они регулярно актуализируются для манипуляции, но представляет собой нечто большее, чем просто скрытое психологическое воздействие на аудиторию. Как и стереотипы и политические мифы, формулы типа «враг – друг» являются удобными когнитивными категориями, позволяющими осмыслить политическую реальность, выразить ее в несложных паролных фразах.

Для конструирования дихотомии «простые люди – люди, наделенные властью» в примере (3) активно применяются такие приемы, как генерализация, использование предлогов со значением исключения, риторических вопросов, антитез, эллипсисов, синтаксического параллелизма.

(3) *Right now everybody seems happy working from home except the politicians. Keep the mask on, say the quotes. Even if you are alone in your car because your car is a public space. No such rules for election campaigns clearly. <...> So elections unchanged, religious events unchanged. What about sports? <...> More importantly, are they really necessary?*⁸ «Сейчас кажется, что все, кроме политиков, готовы работать из дома. «Наденьте на себя маску», – гласят лозунги. Даже если вы один в машине, все равно надо быть в маске, ведь ваша машина – это общественное место. Но для электоральных кампаний таких правил, конечно, нет. <...> Поэтому выборы не меняются, не меняются религиозные церемонии. А как насчет спортивных мероприятий? <...> **Даже более важный вопрос: так ли они нужны во время пандемии?**»

Вопросно-ответная форма подачи информации в примере (4) позволяет П. Шарма Уладхьяй выстроить диалог с адресатом, выразить свою точку зрения, предложить способы решения проблемы.

(4) *So what's the solution here? It's simple. Rule of law. Let me tell you what happened in Norway recently. The prime minister was fined more than 2000 dollars. The prime minister. She was fined. Why? Because she hosted a birthday party that violated virus-control rules. And the prime-minister apologized and agreed to pay a fine. End of story. 10 people were allowed in a gathering. She hosted 13. This spirit must be replicated everywhere. Politicians must be held accountable for their massive rallies. Sports administrators must answer for staging these massive leagues*⁹ **Какое же решение проблемы? Очень простое. Следование букве закона.** Позвольте мне рассказать вам, что произошло недавно в Норвегии. Премьер-министра оштрафовали на 2000 долларов. Премьер-министра. Почему? Потому что на праздновании своего дня рождения она нарушила вирусные ограничения. И премьер-ми-

нистр извинилась и согласилась с выписанным ей штрафом. Конец истории. Можно было пригласить 10 человек, а на ее дне рождения было 13 человек. Этот опыт должен быть перенят везде. За проведение массовых мероприятий политиков необходимо привлекать к ответственности. Организаторы многолюдных спортивных соревнований должны отвечать за свои действия⁹.

Корреспондент описывает прецедент, когда премьер-министр Норвегии заплатила штраф и принесла извинения за нарушение вирусных правил и ограничений. Примечательно, что в отдельное номинативное предложение выносится часть фразы, а в конце другой реплики употребляется модальный глагол *must*. Расставляя подобные логические акценты, журналистка формирует особое представление о политиках и настаивает на том, что такие практики должны быть переняты Индией.

В примере (5) политика сравнивается с мыльной оперой, а США – с любопытным, вечно осуждающим соседом. Это соотносится с наблюдаемым коммуникативным трендом – становлением политейнмента – или желанием осмыслить политику в качестве развлечения.

(5) *If world politics were a soap opera, the United States would be a nosy judgmental neighbor. Its own house is in complete disarray but that doesn't stop Washington from judging others. Last month they released a report on human rights. Nobody asked for it. But unsolicited actions are American speciality*¹⁰ «Если бы политика была **мыльной оперой**, Соединенные Штаты были бы в ней **любопытным, вечно осуждающим соседом**. Его собственный дом в полном беспорядке, но это не останавливает Вашингтон от того, чтобы осуждать других. В прошлом месяце американцы издали отчет о правах человека. Никто не просил их это делать. Но американцы лучше всего делают то, о чем их никто не просит¹⁰.

Корреспондент понимает, что в действительности политика не является мыльной оперой, поэтому ее высказывание построено в форме сослагательного наклонения. Однако П. Шарма Уладхьяй использует этот образ, чтобы приравнять США к любопытному, сующему нос не в свои дела соседу, который к тому же не в состоянии навести порядок у себя дома.

В примере (6) США уподобляются священнику, готовому читать проповедь в горящей церкви.

(6) *Washington believes it is endowed with the sacred right to preach. It doesn't matter that the church is burning around it*¹¹ «Вашингтон верит в то, что Бог

⁸Gravitas Live with Palki Sharma Upadhyay. The global threat of conflict // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=01d-L5PBcSk&ab_channel=WION (date of access: 21.03.2021).

⁹Ibid.

¹⁰Gravitas: U.S. commission wants India on religious freedoms blacklist // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KNP0rMv362g> (date of access: 21.03.2021).

¹¹Ibid.

даровал ему священное право читать проповедь. **То, что вокруг него горящая церковь, никакого значения не имеет**'.

Приведенные примеры демонстрируют лингвокреативность и профессионализм П. Шарма Уладхьяй, ее умение оперировать сложными, распространенными метафорами, призванными не просто дискредитировать США, но и привлечь внимание адресата, повысить его интерес к освещаемым новостям (беспорядкам в США, вмешательству США во внутреннюю политику Индии). В подобных метафорах политика предстает в качестве абсурдного политейнмента, а США диктует свою волю всем остальным, даже не имея на это никакого морального права.

Стоит, однако, подчеркнуть, что журналистка не использует термин «политейнмент». Более того, политика, осмысленная как развлечение, необязательно оценивается ей негативно. Так, в примере (7) ведущая новостной программы в принципе неплохо отзывается о Д. Трампе.

(7) *Will Trump disappear from TV sets completely? Very unlikely, we say. This is one thing that we all agree on, I assume. Donald Trump is good television. We already miss him. People like to watch him. They want to know more about him*¹² 'Исчезнет ли Трамп из наших телевизоров? Маловероятно. Думаю, мы все согласимся с тем, что Дональд Трамп делает телевидение хорошим. Мы уже скучаем по нему. Люди любят **смотреть его**. Они хотят знать о нем больше'.

Употребляя инклюзивное местоимение *we*, журналистка замечает, что она, как и многие другие, скучает по Д. Трампу, который подогревает интерес людей к политике. Выражение *watch him* дословно переводится как «смотреть его», т. е. телевидение.

В примере (8) политика признается изнуряющим, неблагоприятным занятием (ср. с выражением «политика – грязное дело»), а в условиях пандемии она ведет к смерти людей. По всей видимости, это намекает на то, что политики не только не в состоянии остановить коронавирусную инфекцию, но и часто не ставят перед собой такой цели, руководствуясь соображениями немедленной политической выгоды.

(8) *Politics is debilitating in the best of times. In the pandemic, it can be deadly. The second wave is taking lives*¹³ 'Политика – **изнуряющее** дело в самые лучшие времена. В условиях пандемии политика может быть убийственной. Вторая волна уносит жизни'.

В примере (9) утверждается, что холодный расчет политиков проявляется даже при обсуждении эко-

логических вопросов, попытке противостоять наиболее опасным вызовам, угрожающим Земле.

(9) *Climate change is the punching bag of world politics. It is the footnote of every joined diplomatic statement. Think about it – when rivals can't find common ground, what do they do? They talk about climate instead. That's what China and United States are doing. They can't agree on anything. So they are discussing climate change. Same for Russia. ... What we are saying is very simple: politicians love to call themselves allies of nature. But can they unite to deal with climate change? And we ask this because their track record is not impressive*¹⁴ 'Изменение климата – **боксерская груша мировой политики**. Этот вопрос включен в конец каждого совместного дипломатического заявления. **Подумайте: когда противники не могут ни о чем договориться, что они делают? Они ведут разговоры о климате**. Это то, чем занимаются Китай и США. Они не могут прийти к консенсусу. Они обсуждают климат. То же самое с Россией... Мы выражаем очень простую мысль: политики любят называть себя защитниками природы. **Но смогут ли они объединиться, чтобы решить проблему изменения климата?** И мы задаем этот вопрос, потому что **послужной список политиков не впечатляет**'.

Используя спортивную метафору, т. е. называя изменение климата боксерской грушей мировой политики, журналистка убеждена о том, что часто политики неискренни, когда ведут речь о необходимости спасти природу от вредного воздействия на нее современной высокотехнологизированной цивилизации. Задавая риторические вопросы, используя вопросно-ответную форму подачи информации, корреспондент приводит мысль о том, что для политиков обсуждение экологических проблем – это способ прийти хоть к какому-то соглашению с зарубежными коллегами, часто идеологически враждебно настроенными. Поскольку для политиков глобальное потепление – вопрос малозначительный, даже непримиримые противники, например США и Китай, США и Россия, могут вести по нему переговоры. В конечном итоге, несмотря на многочисленные встречи друг с другом, политики все же не сделали ничего существенного для защиты планеты.

В примере (10) журналистка фактически сравнивает две наиболее важные социальные проблемы, требующие разрешения, – коронавирус и изменение климата.

(10) *The call for social distancing was for individuals, not for countries. So we are back to the question: if the world could not unite against a deadly pandemic, can*

¹²Gravitas Live with Palki Sharma Upadhyay. Inside China's struggle to control the virus // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a4MHn1rrFLQ> (date of access: 21.03.2021).

¹³Gravitas: Angela Merkel says Europe «allowed India» to become a pharma hub // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yOVfsbXBi40&ab_channel=WION (date of access: 21.03.2021).

¹⁴Gravitas Live with Palki Sharma Upadhyay. Tracking the second wave // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=JF-WixGrc8KU&ab_channel=WION (date of access: 21.03.2021).

*it join hands to fight climate change? You see the Wuhan virus is a pressing issue, people are dying today, now. Climate change, on the other hand, is a long-term problem. And we know how much politicians love the back burner. If it's not on their calendar, it is not a pressing matter. That's one reason why climate change is relegated to **talking shops***¹⁵ Призыв соблюдать социальную дистанцию относился к индивидам, а не к странам. Итак, мы снова возвращаемся к вопросу: если **мир не может объединиться**, чтобы остановить пандемию, может ли он бороться с изменением климата? Понимаете, вирус из Уханя – это неотложная проблема. Люди умирают сегодня, сейчас. Изменение климата, напротив, долгосрочная проблема. А мы знаем, как политики любят откладывать решение проблем на потом. Если вопрос для них неактуален, значит, проблема несрочная. Вот почему изменение климата – это вопрос второстепенный, идущий после всех важных дел¹⁶.

Отмечается, что во время пандемии мир разъединен, страны дистанцируются друг от друга, будто локдауны, введенные для людей, распространяются на государства. Между тем прогрессирующая диссеминация вируса по всему миру требует введения срочных мер. Разрушительный эффект пандемии очевиден для всех. С другой стороны, экологические вызовы воздействуют на жизнь людей в долгосрочной перспективе. Вред, причиняемый изменением климата, отнюдь не столь очевиден. Журналистка дискредитирует политиков на основании того, что те не чувствуют опасности, откладывают поиск решений. Характеризуя политиков, П. Шарма Уладхьяй активно использует фразеологизмы. Вместо устойчивого выражения *talking shop* она употребляет словосочетание *talking shops*. Значение исходного фразеологизма изменяется, и получается, что политики говорят не о деле, а о делах (часто ненужных).

По данным П. Шарма Уладхьяй, около 40 % населения Земли вообще не верят в изменение климата. По отношению к ним в примере (11) индийская журналистка употребляет неологизм *flat-Earthers*, который образован путем сложения слов *flat* ‘плоский’ и *Earth* ‘Земля’ с добавлением суффикса *-er-*, указывающего на агента действия. Отрицая научные факты, политики не без основания надеются заручиться поддержкой людей, скептически относящихся к сведениям о глобальном потеплении. Таким образом, настойчивое непризнание изменения климата превратилось в политическую стратегию, которую применяют такие политики, как Д. Трамп или Ж. Болсонару.

(11) ...*But let me put it this way: what if I told you that 60 percent people in the world believed the Earth is round. That still leaves 40 percent **flat-earthers**. You see, science is*

*not a matter of opinion, it is based on facts. But politicians have used climate change to rally their support base. Donald Trump did it during his presidency, Jair Bolsonaro, Brazil, continues to do it in his country. Denying climate change has become a political strategy and scientists have not been able to bust these theories*¹⁶ ...Но позвольте мне выразить эту мысль так: что если я бы сказала вам, что 60 % людей в мире верят в то, что Земля круглая. Это означает, что 40 % по-прежнему живут на плоской Земле. Понимаете, наука – это не ваше мнение, наука базируется на фактах. Но политики прагматически использовали проблему изменения климата, чтобы объединять своих сторонников. Дональд Трамп делал это, когда был президентом. Жаир Болсонару из Бразилии продолжает это делать в своей стране. Отрицание изменения климата на планете превратилось в политическую стратегию, и ученые не смогли развеять эти теории¹⁷.

Корреспондент считает, что, хотя пандемия – это острая, неотложная проблема, решить ее намного проще, чем найти выход из экологического тупика, в направлении которого стремительно движется мировая политика, а вместе с ней и сам мир.

(12) *Let me end with this observation – with masks and vaccine we can beat the Wuhan virus but when the oceans rise, there is no fix. When the air becomes unbreathable, masks will not work. So, it's time for world leaders to pull up their socks. We've had more than enough **summits** on climate change. What we need now is concrete **legal action***¹⁷ Позвольте мне завершить, подведя следующий итог: с помощью масок и вакцин мы сможем победить вирус из Уханя, но когда уровень воды в мировом океане поднимется, решения не будет. Когда воздух станет настолько грязным, что невозможно будет дышать, маски не помогут. Таким образом, настало время для политиков действовать. Мы провели более чем достаточно **саммитов**, посвященных изменению климата. Нам необходимо принятие соответствующих **законов**¹⁸.

В примере (12) журналистка призывает политиков к конкретным действиям по спасению планеты, а не к проведению саммитов. В связи с этим можно отметить, что в индийском массмедийном дискурсе говорение противопоставляется действию. Слова *summit* и *legal action* превращаются в контекстуальные антонимы, хотя между ними есть логическая взаимосвязь (именно на встречах высшего уровня подписываются конкретные законодательные акты).

Ссылаясь на конкретных людей, в примере (13) ведущая новостной программы доказывает, что политики много говорят, но не всегда исполняют свои обещания.

¹⁵Gravitas Live with Palki Sharma Upadhyay. Tracking the second wave // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=JFWixGrc8KU&ab_channel=WION (date of access: 21.03.2021).

¹⁶Ibid.

¹⁷Ibid.

(13) *For all his promises of halting an arms race, Joe Biden doesn't seem to be walking the talk. America's deep dive into nuclear militarism continues regardless of which party is in power*¹⁸ 'Джо Байден давал много обещаний о том, что он прекратит гонку вооружений, но, кажется, они не исполняются. Америка продолжает наращивать ядерное вооружение вне зависимости от того, какая партия находится у власти'.

С одной стороны, данное высказывание направлено на дискредитацию Дж. Байдена. Для этой цели употребляется фразеологизм *walk the talk*. Однако на самом деле корреспондент выступает против американской политики, которая связана с милитаризмом и гонкой вооружения вне зависимости от того, какая партия у власти.

В примере (14) политика связывается с вопиющей неpolitкорректностью или, напротив, с политкорректностью, граничащей с лицемерием и доходящей до абсурда.

(14) *The Myanmar coup is playing out in London. The Burmese ambassador is locked out of the embassy by his staff. Britain's response? Hypocrisy and political correctness. And here's the other side of the spectrum: Turkey's Erdogan, the opposite of the politically correct. Two presidents visited his country. He had a chair only for the man*¹⁹ 'Бирманский переворот разворачивается в Лондоне. Перед послом Мьянмы дипломаты

закрыли двери посольства. Ответ Британии? Лицемерие и политическая корректность. А вот другая сторона медали: Эрдоган из Турции – прямая противоположность политкорректного политика. Два президента посетили его страну. У него был стул только для президента-мужчины'.

Лексические единицы «лицемерие» и «политкорректность» поставлены в синонимический ряд неслучайно, ведь на Западе уже давно бытует мнение о вредности политкорректности, находящее отражение в неприятии правящих элит с их циничной идеологией, ущемляющей свободу слова [23, p. 114]. И хотя Индия – восточная страна, по всей видимости, ее колониальное прошлое, активная включенность в англоязычный дискурс, глобализация, ведущая к неизбежной вестернизации, способствуют распространению стереотипов о политиках и особенностях их профессионального языка. Стоит обратить внимание на то, что журналистка критикует не только политкорректный и в целом неуместный ответ британского правительства на военный переворот в Мьянме, его неготовность прийти на помощь бирманскому послу, в результате смены власти на родине оказавшемуся не у дел, но и неpolitкорректность турецкого президента Р. Эрдогана, который, пригласив к себе лидеров двух государств, одним из которых была женщина, не нашел для нее стула.

Заключение

Концепты «политика», «политик» социально значимы: они регулярно воспроизводятся в различных типах институционального дискурса, включая массмедийный, который так или иначе призван освещать актуальные политические события. В современную эпоху СМИ превратились в мощное средство влияния, формирования и изменения общественного мнения, четвертую ветвь власти, которую государственные деятели не могут игнорировать ни на региональном, ни на внутривластном, ни на глобальном уровнях. Стремясь подчинить мир своим идеологическим установкам, воздействовать на него, страны ведут сложную борьбу за символическое право распространять информацию, вещать о произошедших (происходящих) событиях и интерпретировать их в соответствии с собственными интересами. Индия не может оставаться в стороне от этого глобального тренда, что находит отражение в появлении англоязычных телевизионных каналов, продвигающих точку зрения, выгодную прежде всего для Индии, способствующих росту ее

геополитического влияния не только в Южной Азии, но и в соседних регионах (Юго-Восточная Азия или Азиатско-Тихоокеанский регион).

Проведенный анализ показывает, что в индийском массмедийном дискурсе основное значение концептов «политика», «политик» сохраняется, но меняются коннотативные и аксиологические аспекты их смысла. Считать данные трансформации феноменом, свойственным лишь коммуникативному пространству индийских массмедиа, нельзя. Ученые и ранее свидетельствовали, что отношение к политике, политикам ухудшается, в дискурсы внедряются стереотипные представления о государственных деятелях, их коррумпированности, нечестности, неискренности. В результате как минимум западное общество становится более аполитичным, менее восприимчивым к серьезной политике. Поскольку Запад (хотя его ценности нередко отвергаются, а само понятие «Запад» не имеет четкого определения²⁰) задает общие коммуникативные тренды (см., например, статью турецких исследователей

¹⁸Gravitas with Palki Sharma Upadhyay. Digital colonialism. Is Big Tech the new East India company? // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1jxdpc5gPzA> (date of access: 21.03.2021).

¹⁹Gravitas Live With Palki Sharma Upadhyay. The Pandemic Surge // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cw-5wVG1Nh-A> (date of access: 21.03.2021).

²⁰Вопреки тому что в последнее время в России слово «Запад» снова приобрело коннотации «враждебный», с исторической точки зрения спор о том, относится ли Россия к Западу, сыграл важную роль в формировании национального самосознания. Стоит заметить, что к западникам принадлежали многие видные ученые, литераторы, философы, общественные деятели (Т. Н. Грановский, П. Я. Чаадаев, В. С. Соловьев, И. С. Тургенев, Б. Н. Чичерин, В. Г. Белинский, А. И. Герцен и др.).

о появлении новых речевых жанров по образцу США [24]), нечто подобное наблюдается в России, Турции, Индии и т. д.

Установлено, что в индийском массмедийном дискурсе дискредитация политиков обуславливается в первую очередь отношениями Индии с другими странами и является своеобразным ответом на недружественные действия зарубежных партнеров. Так, в ряде приведенных примеров видно, что недовольство журналистки вызвано вмешательством США в политику других государств. Однако, произнося оценочные суждения в сторону США, ведущая новостной программы пользуется сложившимся негативно коннотированным концептуальным видением политики и политиков, описывая их в несерьезных выражениях.

Когда речь заходит об основных проблемах современности (коронавирусной инфекции, глобальном потеплении и т. д.), аксиологические аспекты концептов «политика», «политик» также оказываются востребованными. С помощью апелляции к ним журналистка может объяснить, почему пандемия не остановлена, почему ничего не сделано для улуч-

шения экологической ситуации на планете, почему Британия не поддержала демократически избранное правительство в Мьянме и не осудила военный переворот в этой стране. Можно полагать, что такая упрощенная трактовка обстановки в мире находит отклик у адресата, тем более что тот уже не раз сталкивался с отрицательными суждениями о ничего не делающих, неискренних, некомпетентных политиках.

Дальнейшее изучение концептов «политика», «политик» предполагает не только уточнение всех негативных характеристик, которыми они, по всей видимости, наделяются, но и уяснение тех положительных пластов смысла данных единиц сознания, отмечаемых, например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Н. Д. Ушакова, но почти не актуализируемых в рамках проанализированных 10 выпусков англоязычной индийской программы. Наверное, было бы преждевременно говорить, что эти позитивные значения рассматриваемых концептов бесследно исчезли, но трансформация важнейших понятийных общественно значимых категорий «политика», «политик» очевидна.

Библиографические ссылки

1. Foucault M. *The archeology of knowledge and the discourse on language*. New York: Pantheon; 1972. 254 p.
2. Конш М. *Философская ориентация*. Быстрова ВЮ, Шестакова АВ, переводчики. Санкт-Петербург: Русский мир; 2012. 384 с.
3. Shrouf A. *Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2006. 349 S.
4. Nye J. *Soft power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
5. Шулятиков ИС. Термин «концепт» в современной лингвистике. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2015;12:98–102.
6. Яковлев АА. Значения терминов как отражение научной и обыденной картин мира в сознании студента. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2018;16(1):30–40.
7. Hudson K. *The language of modern politics*. London: Macmillan Press; 1978. 167 p.
8. Bell D. *Power, influence and authority. An essay in political linguistics*. New York: Oxford University Press; 1975. 131 p.
9. Sedlaczek A. Multimodale Repräsentation von Klimawandel und Klimaschutz. Eine theoretische und methodologische Annäherung am Beispiel des Österreichischen Rundfunks. *Wiener linguistische Gazette*. 2014;78A:14–33.
10. Ратмайр Р. *Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении*. Москва: Языки славянской культуры; 2013. 456 с.
11. Lee D. *Competing discourses. Perspective and ideology in language*. London: Longman; 1992. 210 p.
12. Терехова ЕВ. Прагматика современного английского политического дискурса и рекуррентные конструкции. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2011;9(2):131–137.
13. Пименова МВ. Концепт политика и способы его репрезентации. *Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика*. 2005;15:32–39.
14. Пименова МВ. Политическая концептуальная система. *Политическая лингвистика*. 2010;2:47–55.
15. Алексеев АБ. Политейнмент: прагматически обусловленный гибридный дискурс. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2020;2:128–136.
16. Алексеев АБ. Политейнмент и влияние его стратегий на языковую личность политика. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020;18(2):91–102.
17. Дашинамаева ПП. *Философия языка и теория значений*. Улан-Уде: Издательство Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова; 2010. 248 с.
18. Филинский АА. *Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.* [диссертация]. Тверь: Тверской государственный университет; 2002. 163 с.
19. Boyd M. Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and YouTube. In: Kaal B, Maks I, van Elfrinkhof A, editors. *From text to political positions: text analysis across disciplines*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 2014. p. 245–268.
20. Fairclough N. *Language and power*. London: Longman Group; 1989. 259 p.
21. ван Дейк ТА. *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Кожемякина ЕА, Перверзева ЕВ, Аматава АМ, переводчики. Москва: Либроком; 2013. 344 с.

22. Алексеев АБ. Социальная ангажированность ученого как один из принципов современной лингвистической (гуманитарной) науки. *Преподаватель XXI век*. 2018;2:40–50.
23. Curzan A. *Fixing English. Prescriptivism and language history*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 197 p.
24. Ünlü Ç. Amerikanvari seçim sonu konuşmalarının milli bir örneği olarak «Balkon Konuşmaları»: 2014 cumhurbaşkanlığı seçimi konuşması üzerine retoriksel bir analiz. *Galatasaray University Journal of Communication*. 2015;23:67–95.

References

1. Foucault M. *The archeology of knowledge and the discourse on language*. New York: Pantheon; 1972. 254 p.
2. Conche M. *L'Orientation philosophique*. Paris: Presses Universitaires de France; 1990. 290 p.
- Russian edition: Conche M. *Filosofskaya orientatsiya*. Bystrova VYu, Shestakova AV, translators. Saint Petersburg: Russkii mir; 2012. 384 p.
3. Shrouf A. *Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2006. 349 S.
4. Nye J. *Soft power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
5. Shulyatnikov IS. The term «concept» in the modern linguistics. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. 2015;12:98–102. Russian.
6. Yakovlev AA. Terms meanings as the reflections of the scientific and everyday worldviews in the student's mind. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2018;16(1):30–40. Russian.
7. Hudson K. *The language of modern politics*. London: Macmillan Press; 1978. 167 p.
8. Bell D. *Power, influence and authority. An essay in political linguistics*. New York: Oxford University Press; 1975. 131 p.
9. Sedlaczek A. Multimodale Repräsentation von Klimawandel und Klimaschutz. Eine theoretische und methodologische Annäherung am Beispiel des Österreichischen Rundfunks. *Wiener linguistische Gazette*. 2014;78A:14–33.
10. Ratmair R. *Russkaya rech' i rynok: traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii* [Russian speech and the market: the traditions and innovations in everyday and business communication]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2013. 456 p. Russian.
11. Lee D. *Competing discourses. Perspective and ideology in language*. London: Longman; 1992. 210 p.
12. Terekhova EV. Pragmatics of modern English political discourse and recurrent constructions. *Vestnik NSU. Series: Linguistics*. 2011;9(2):131–137. Russian.
13. Pimenova MV. The concept politics and the ways of its representation. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika*. 2005;15:32–39. Russian.
14. Pimenova MV. The political conceptual system. *Political linguistics*. 2010;2:47–55. Russian.
15. Alexeyev AB. Politainment as a pragmatically based hybrid discourse. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 2020;2:128–136. Russian.
16. Alexeyev AB. Politainment and the influence of its strategies on the language personality of the politician. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2020;18(2):91–102. Russian.
17. Dashinimaeva PP. *Filosofiya yazyka i teoriya znachenii* [The philosophy of language and the theory of meaning]. Ulan-Ude: Publishing House of Banzarov Buryat State University; 2010. 248 p. Russian.
18. Filinskii AA. *Kriticheskii analiz politicheskogo diskursa predvybornykh kampanii 1999–2000 gg.* [The critical analysis of political discourse of election campaigns 1999–2000; dissertation]. Tver: Tver State University; 2002. 163 p. Russian.
19. Boyd M. Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and YouTube. In: Kaal B, Maks I, van Elfrinkhof A, editors. *From text to political positions: text analysis across disciplines*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 2014. p. 245–268.
20. Fairclough N. *Language and power*. London: Longman Group; 1989. 259 p.
21. van Dijk TA. *Discourse and power*. New York: Palgrave Macmillan; 2008. 320 p.
- Russian edition: van Dijk TA. *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. Kozhemyakina EA, Pereverzeva EV, Amatova AM, translators. Moscow: Librokom; 2013. 344 p.
22. Alexeyev AB. Social engagement of the scientist as one of the principles of the modern linguistic (social) science. *Prepodavatel XXI vek*. 2018;2:40–50. Russian.
23. Curzan A. *Fixing English. Prescriptivism and language history*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 197 p.
24. Ünlü Ç. Amerikanvari seçim sonu konuşmalarının milli bir örneği olarak «Balkon Konuşmaları»: 2014 cumhurbaşkanlığı seçimi konuşması üzerine retoriksel bir analiz. *Galatasaray University Journal of Communication*. 2015;23:67–95.

Статья поступила в редколлегию 07.07.2021.
Received by editorial board 07.07.2021.